

Ю.В. Латов

Альтернативные подходы к анализу альтернатив Великой Отечественной

Статьи, собранные под обложками трех книг серии «Альтернативы Великой Отечественной», демонстрируют ну о-о-очень разные подходы к ретромоделированию истории. Настолько разные, что при встрече иных авторов произошла, наверное, бы взаимная аннигиляция. В результате читатель получил возможность лучше понять не только (возможно даже, не столько) альтернативы Великой Отечественной, но и альтернативы современной отечественной исторической мысли.

Сразу следует отметить, что составители сборников проявили чрезмерную всеядность. Чтение этих книг напоминает просмотр боя без правил, куда одновременно пригласили популярных боксеров, каратистов и к ним в придачу звезд бодибилдинга. Ситуация усугубляется тем, что сторонники качественно разных подходов практически не вступают на страницах этих книг в диалог друг с другом. Это похоже на «поединок», где соперники не наносят друг другу удары, а поочередно уверяют зрителей, какие они непобедимые.

В качестве примера несовместимого антагонизма подходов укажем на противоположность подходов неосталинистов и ультралибералов.

Первая книга серии была посвящена проблеме, «мог ли фюрер выиграть войну». В целом мнения разделились «серединка на половинку»: из 9-ти авторов 4 полагают, что фюрер в принципе мог победить, другие 4 — что никак не мог, еще один автор от четкого ответа уклонился.

В этой книге статьи Валентина Рунова и, особенно, Сергея Кремлева выглядят «приветом» из советской эпохи. Поскольку «на поверку Великой Отечественной войной Советский Союз оказался достаточно монолитной, сплоченной и хорошо организованной силой» (С. 287), а «Сталин, безусловно, отвечал всем

требованиям политического гения» (С. 138), то ответ на вопрос «Мог ли Гитлер победить Советский Союз?» (заглавие статьи Рунова) для этих историков очевиден: «“Русский” крах рейха был неизбежен» (заглавие статьи Кремлева).

Диаметрально противоположное мнение высказал Андрей Буровский. На вопрос, «Мог ли Гитлер победить?», он ответил — наверняка мог, если бы войну Отечественную превратил в войну гражданскую. Даже в реальной истории на стороне Гитлера воевали сотни тысяч граждан СССР, имеющих очень веские (и чаще всего справедливые) основания ненавидеть сталинский режим. Если бы война приобрела чисто антикоммунистический характер, то вермахт и его «русские» союзники очень быстро разобрались бы с «политическим гением». Примерно такие же мысли высказал и скандально знаменитый Виктор Суворов. Однако свержение сталинской диктатуры требовало, как справедливо указывает Буровский, предварительной ликвидации фашистских претензий на превосходство над «недочеловеками». Поэтому следует уточнить, что Германия победить могла, а вот Гитлер (фашистский режим) — вряд ли.

Во второй книге серии, «Альтернативная Реальность 1941», противостояние неосталинистов и ультралибералов приобрело уже несколько гротескный характер. А. Буровский и В. Суворов вновь повторяют, что ужасно плохой коммунистический режим плодил врагов направо и налево, так что в первые месяцы войны советские солдаты едва ли не наперегонки сдавались в плен, пока не стало понятно, что Гитлер воюет не столько со Сталиным, сколько с «русскими». Кремлев вновь дает идеологически выдержанный речекряк, что замечательно хороший коммунистический режим воспитал отважных защитников, которые в первые месяцы войны триумфально давали отпор агрессору на каждом миллиметре (про события начальных месяцев войны он так и пишет — «триумф воли») и в принципе не могли не победить. У читателя возникает ощущение, что Буровский и Кремлев пишут о каких-то совсем разных войнах, абсолютно альтернативных друг другу.

Повышенная эмоциональность статей некоторых авторов вообще создает впечатление, что научная публицистика у них скатывается в идеологическую пропаганду. Видимо, включать в

заочный круглый стол тех историков, у которых идеологические симпатии доминируют над научной объективностью, было ошибкой издательства. А приглашение Виктора Суворова к серьезному обсуждению проблем Отечественной войны похоже на, скажем, обсуждение проблем исторической хронологии с активным участием академика Фоменко.

Если отвлечься от идеологически мотивированных рассуждений, то большинство авторов «Альтернатив» (А. Исаев, М. Баятинский, В. Бешанов, А. Больных) исследуют чисто военные аспекты событий, рассматривая просчеты сторон в военной стратегии и тактике. Такой подход напоминает разбор шахматной партии и представляет интерес, прежде всего, для специалистов и любителей военной истории. Такой «разбор полетов» вполне правомерен, поскольку подчеркивает многовариантность событий. Однако наиболее любопытными кажутся те размышления, когда авторы выходят за рамки военной стратегии и тактики.

Ведь хорошо известно, что исход любой войны определяется в конечном счете не на полях сражений, а в тылу — положением в стране накануне и во время войны, ее экономическим потенциалом и социально-культурным единством. Скажем, на протяжении почти всей Столетней войны английская армия наносила одно за другим тяжелые поражения армии французов (вспомним Креси, Пуатье и Азенкур), однако война окончилась сокрушительным поражением Англии, потерявшей почти все свои французские владения. Точно так же и победа СССР, видимо, определяется не только и не столько гениальностью ее полководцев, сколько социально-экономическими факторами.

С точки зрения изучения экономических аспектов истории Великой Отечественной войны наибольший интерес, на наш взгляд, представляет статья Владислава Савина из книги «Гитлер-победитель». Ее автор лаконично изложил главную свою идею в заглавии статьи — «Тотальная война в 1941-м — единственный шанс Германии».

Савин справедливо обращает внимание на то, что на протяжении практически всей войны наблюдался сильный перевес СССР над Германией в выпуске военного снаряжения (например, во второй половине 1941 г. Германия выпустила 2 253 танка, в то время как СССР — 4 742). Это трудно объяснить только

преимуществами советской мобилизационной экономики. Ведь на Германию работала промышленность всей Западной Европы, в то время как СССР потерял наиболее промышленно развитые западные регионы страны.

По мнению В. Савина, объяснить «разительное несоответствие между экономическими возможностями Германии и ее военным производством довольно просто — экономика Германии не была полностью переведена на военные рельсы, в стране сохранялось значительное производство товаров для гражданских нужд. Это обосновывалось идеологически — считалось, что немецкий народ не должен испытывать тягот и лишений, связанных с войной» (С. 305). Перелом в отношении к войне произошел только в январе 1943 г., когда Гитлер утвердил приказ о переходе к тотальной войне. Лишь после этого в Германии начали закрывать театры, кабаре и варьете, замещать на производстве всюду, где можно, мобилизованных на фронт мужчин женщинами и перемещенными лицами. В результате «в первой половине 1944 г. Германия в производстве вооружений догнала, а по ряду позиций и перегнала СССР» (С. 316). Но на фронтах уже произошел решительный перелом, поэтому рост численности и вооружения вермахта не мог остановить ни РККА на востоке, ни высадившихся в Нормандии союзников на западе.

Полный перевод немецкой экономики летом 1941 г. на обеспечение фронта, полагает В. Савин, скорее всего, принес бы Гитлеру победу под Москвой и, видимо, в целом в войне с СССР. Однако «перейти к тотальной войне без серьезных внешних потрясений Германия была не способна» (С. 317). Получается, что экономика Германии потерпела поражение в соревновании с экономикой СССР, поскольку была менее мобилизационной.

Еще одна интересная социально-экономическая идея была высказана в третьей книге «Альтернатив». Историк-публицист Андрей Буровский высказал там довольно оригинальный аргумент к дискуссии о гипотетических результатах превентивного наступления Сталина против фашистской Германии в 1941 г. Военные историки в «Первом ударе Сталина» (А. Исаев, М. Брятинский, А. Больных и др.) доказывали на основе чисто военных факторов, что превентивный удар Сталина, предупредивший нападение Гитлера, был бы удачным ходом. Буровский же перевел

обсуждение проблемы в русло анализа политических комбинаций. При таком подходе оказывается высоко вероятным, что если бы Сталин ударил первым, то политическая элита Великобритании и США, вспомнив о недавних событиях советско-финской войны, объявила бы коммунистическую Россию агрессором, мало отличающимся от фашистской Германии. В результате Сталин не получил бы ни поставок по ленд-лизу, ни поддержки оккупированных фашистами стран Восточной Европы, и в результате, вероятнее всего, потерпел бы поражение. Правда, Виктор Суворов и его единомышленник Дмитрий Хмельницкий довели идею Буровского до абсурда, заявляя, что Сталин хуже Гитлера и что «отчаянное нападение Гитлера на СССР в 1941 г. спасло Европу (включая СССР) от гораздо худшей судьбы».

Сергей Кремлев в третьей книге «Альтернатив» вновь доказывает, что Сталин был «белый и пушистый», и вообще «самым разумным вариантом для СССР и Сталина был бы союз с Германией и наши совместные с ней действия на антианглосаксонской и антиимпериалистической основе». (Ранее этот автор в своей книге «Если бы Гитлер не напал на СССР...» уже с воодушевлением изображал, как Гитлер объединяется со Сталиным и разрушает «американские планы завоевания мирового господства».) Подобная готовность объединяться с фашистами на «антианглосаксонской основе» представляет, по нашему мнению, опрокидывание в прошлое современного антиамериканизма и производит весьма гнетущее впечатление. Пожалуй, быть жертвой фашизма все же лучше, чем его союзником (пусть даже победоносным).

Несмотря на отмеченные недостатки в организации серии, «Альтернативы Великой Отечественной» можно рассматривать как заметное явление в распространении среди российских историков методов ретропрогнозирования. В результате, в частности, при анализе конкретного вопроса о степени неизбежности того исхода Великой Отечественной, который наблюдался в реальной истории, становится возможным признать довольно высокую вероятность поражения СССР. Следовательно, считавшийся ранее очевидным тезис, что режим Сталина пусть жестокими методами, но в целом все же хорошо подготовил страну к войне, подвергается радикальному переосмыслению.